

УДК 94(430).053

АБСОЛЮТИЗМ ИЛИ «СОСЛОВНЫЙ РЕНЕССАНС»? КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ И ДВОРЯНСТВО В ПРУССИИ В XVIII ВЕКЕ**Стерхов Д.В.**

*Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова,
Москва, Россия
enkiddu@mail.ru*

В статье рассматриваются специфические черты абсолютизма в Пруссии в XVIII веке. Подвергается определённой корректировке традиционное представление о неограниченной власти прусских королей, а также о союзе монархии и прусского дворянства (юнкерства). Уделяется внимание таким факторам, как регионализм, сословное самосознание и самоуправление дворянства, которые ограничивали абсолютную монархию в Пруссии. Подчёркивается роль «неабсолютистских» тенденций в прусской политической культуре XVIII века.

Ключевые слова: абсолютизм, абсолютная монархия, сословная политика, Фридрих Великий, прусское дворянство, сословное представительство.

Европейская история Нового времени традиционно рассматривается в исторической науке с точки зрения парадигмы теории абсолютизма. Классическая теория абсолютизма, возникшая ещё в XIX в., в модифицированной форме существует в зарубежной историографии и по сей день [21, S. 180]. В отечественной науке понятие абсолютизма тесно связано с представлением о существовании в Европе так называемого «старого порядка» [4, с. 49; 6, с. 22], оба термина зачастую употребляются как синонимы [1, с. 258]. Политическая история европейских государств в глобальном плане предстаёт как переход от сословно-представительных монархий, возникающих в XII – XV вв. [7, с. 181], к абсолютистским режимам, которые формируются в период между окончанием Тридцатилетней войны и началом Великой французской революции [3, с. 138]. Особенно широкое применение концепция абсолютизма нашла в отечественной германистике. Не случаен тот факт, что в наиболее значимых общих трудах по германской истории, вышедших в 2000-е гг., главы, посвящённые периоду 1648 – 1789 гг., носят название «Германия в эпоху абсолютизма» [2, с. 283] или «Век абсолютизма» [5, с. 122]. Представления о «веке абсолютизма» также господствовали в историографии ГДР [23] и некоторое время в исторической науке ФРГ [32, S. 116 – 117]. Лишь начиная с 1960-х – 1970-х гг. в западногерманской и англоязычной историографии намечился поворот к изучению «неабсолютистских» тенденции в политической структуре европейских государств XVII – XVIII вв., в результате чего само понятие «абсолютизм» подверглось определённой корректировке [10; 17; 20; 26; 30], а в современной историографии даже стало ставиться под сомнение и отвергаться [8; 16].

Пожалуй, самым «абсолютистским» из всех германских государств считается, без сомнений,

Бранденбург-Пруссия, и не без основания. В годы правления курфюрста Фридриха Вильгельма (1640 – 1688), проводившего политику централизации государства, сословия Бранденбурга-Пруссии стали терять политическое влияние и отходить на второй план. В первую очередь это отразилось в том, что перестали созываться органы сословного представительства – ландтаги, так, последний ландтаг в самом Бранденбурге состоялся в 1652 – 1653 гг. Вся полнота власти стала концентрироваться в общегосударственных органах власти – Тайном совете, Придворной палате и Генеральном военном комиссариате, сословия фактически потеряли право ветоирования налогов и контроль над их использованием, постоянная армия, созданная Фридрихом Вильгельмом, находилась вне сферы влияния сословий и зачастую использовалась против них самих [14, S. 254 – 255]. В результате деятельности Фридриха Вильгельма сословия потеряли своё значение, и уже в XVIII в., при таких, без сомнения, «абсолютных» королях, как Фридрих Вильгельм I (1713 – 1740) и Фридрих II (1740 – 1786), не играли совершенно никакой роли и, казалось бы, были полностью подчинены монаршей воле. В первую очередь это касается бранденбургско-прусского дворянства, первого сословия в государстве, которое, в классическом изложении прусской истории, отказалось от всех своих политических прав в пользу абсолютной монаршей власти взамен на сохранение социальных привилегий [3, с. 171 – 172; 33, S. 33 – 41].

Несмотря на то, что данная схема в целом верно описывает события истории Бранденбурга-Пруссии во второй половине XVII – XVIII веках, конкретные исследования последних 30 лет по прусской политической и социальной истории показали, что в действительности взаимоотношения между дворянством и короной были гораздо более сложными и комплексными, и в повседневной

практике «абсолютным» прусским королям приходилось наталкиваться на многочисленные препятствия в осуществлении своей неограниченной власти.

Отличительной особенностью прусского государственного устройства в XVIII в. являлся регионализм, который так и не удалось преодолеть прусским королям, несмотря на все их меры по достижению максимальной централизации государства. Возникнув как конгломерат разнородных и отдалённых друг от друга территорий, прусская монархия оставалась таковой фактически вплоть до наполеоновской эпохи. Даже административная реформа Фридриха Вильгельма I, проведённая в 1722 – 1723 гг., отнюдь не превратила Пруссию в централизованное бюрократическое государство современного типа, отдельные провинции (Восточная Пруссия, Курмарк, Ноймарк, Альтмарк, Померания, Клеве-Марк, Минден, Магдебург, Хальберштадт) значительно отличались друг от друга по таким признакам, как административное устройство, система налогообложения, социальные привилегии дворянства. К тому же, с 1740 г. в состав королевства вошли «новые» провинции (Силезия, Восточная Фрисландия, Западная Пруссия, Ансбах-Байрейт), статус которых значительно отличался от статуса «старых» провинций.

Регионализм оказывал значительное влияние на менталитет дворянства, в первую очередь он препятствовал формированию единого «прусского» самосознания, которого в XVIII в., вопреки мнению боруссианской историографии начала прошлого века [28, S. 6], в Пруссии не было. Фактор регионализма не позволял прусским королям проводить единую политику по отношению к дворянству и вынуждал учитывать региональные особенности отдельных территорий. Наиболее отчётливо фактор регионализма проявлялся в отношении королей к аристократии тех или иных провинций. Так, наиболее верным по отношению к короне считалось дворянство коренных территорий Бранденбурга – Курмарки, Ноймарки и Уккермарки. В «Политическом завещании» 1722 г. Фридрих Вильгельм отзывался о сословиях центральных провинций как о «самых верных из всех сословий королевства» [19, S. 64]. Действительно, дворянство тех провинций, которые находились ближе всего к политическому центру монархии, быстрее всех согласилось с потерей своих политических прав, однако было вознаграждено за это многочисленными привилегиями, в первую очередь что касается назначений на выгодные должности в центральном аппарате [17, p. 160]. По мнению исследователя Петера Баумгарта, без поддержки сословий центральных провинций королевская власть в Пруссии вряд ли могла добиться значительных успехов во внутренней политике [30, S. 138].

Значительных похвал от прусских королей удостоивалось и померанское дворянство, к примеру, Фридрих II обосновывал основание в

Померании специального кредитного учреждения для помощи местного дворянства следующими словами: «Я очень хочу им помочь, так как я люблю померанцев как своих братьев, и никто не любит их больше, чем я» [28, S. 52]. В этих признаниях нет ничего удивительного, ибо померанские дворянские роды (фон Путткаммер, фон Подевилльс, фон Хертцберг, фон Шлиффен, фон Тауентцин) охотно служили прусской монархии. Тем не менее, с Померанией дела обстояли не так просто, в случае необходимости померанское дворянство могло оказывать эффективное сопротивление королевской власти, так, знаменитая реформа по аллодификации ленов, т.е. перевода их в частную собственность дворянства взамен на денежные выплаты, начатая Фридрихом Вильгельмом I в 1717 году, вызвала серьёзное недовольство померанской аристократии и была проведена в Померании лишь в 1787 г. [27, S. 40 – 42]. Точно так же все попытки Фридриха II улучшить положение крепостных крестьян, ограничить барщину и даже отменить крепостное право вообще, не увенчались успехом из-за упорного сопротивления местных знатных землевладельцев. Пожалуй, именно дворянству Померании лучше всего удавалось сопротивляться попыткам королевской власти вмешиваться во внутренние дела провинции.

На хорошем счету находилось дворянство Магдебурга и Хальберштадта, однако аристократы этих провинций (фон Плото, фон Альфенслебен, фон Шуленбург) проявляли ещё большее своеобразие, чем померанская знать. Особое недовольство сословий вызывало, к примеру, то покровительство, которое королевская власть оказывала пиетизму, кроме того, в 1713 – 1714 гг. прусский король Фридрих Вильгельм I попытался заставить дворянства Магдебурга и Хальберштадта отказаться от их права обращаться к императору или к имперскому камеральному суду для решения тех или иных судебных вопросов, однако эти попытки полностью провалились [29, S. 183]. Пик конфликта между короной и сословиями пришёлся на 1717 – 1728 гг., когда дворянство Магдебурга, крайне недовольное аллодификацией ленов, обратилось за помощью против своего короля к имперскому надворному совету в Вене. Фактически внутривластный конфликт между сословиями провинции и короной был перенесён на общеимперский уровень [20, S. 90]. Судебный процесс успеха не имел, и Фридриху Вильгельму I в итоге удалось провести реформу, однако королевской власти всё же не удалось сломить волю сословий к сопротивлению.

Крайне негативным было отношение прусских королей к дворянству западных провинций Бранденбурга-Пруссии, вошедших в состав государства накануне Тридцатилетней войны. Фридрих Вильгельм I называл дворян Клеве и Марки «глупыми осликами, но коварными, как сам дьявол» [19, S. 64], схожие оценки давал его сын Фридрих II, который именовал сословия западных областей «глупыми злыми интриганскими» [13, S.

108]. Всяческие попытки короны упразднить ландтаги и иные формы сословного представительства в Клеве и Марке не увенчались успехом, кроме того, особое недовольство прусских королей вызывали тесные связи рейнских дворян с Нидерландами, что способствовало укреплению их сословного самосознания.

Напряжёнными оставались отношения между королевской властью и сословиями Восточной Пруссии. Провинция, которая дала курфюрстам Бранденбурга королевский статус, являлась, пожалуй, самой оппозиционной по отношению к политическому центру государства. Как и в случае с рейнской аристократией, дворянство Восточной Пруссии испытывало влияние со стороны иного государства – Речи Посполитой, где, как и в Нидерландах, были сильны сословно-представительские традиции. Многие восточнопруссские знатные фамилии (фон унд цу Дона, фон Дрыгальски, фон Гутовски, фон Подбельски, фон Трошке) находились в родственных связях с польскими аристократическими семьями, пример прав и привилегий польской шляхты накладывал отпечаток на восточнопруссское дворянство, которое воспринимало упразднение ландтагов (последний состоялся в 1704 г.) крайне болезненно. Ещё одно отличие восточнопруссского дворянства заключалось в том, что оно платило поземельный налог, в то время как дворяне других провинций, в первую очередь центральных, от уплаты налогов было полностью освобождено [28, S. 47]. Обособленное положение Восточной Пруссии, оторванной от основной части государства, способствовало формированию особого местечкового самосознания, при этом лояльность по отношению к Берлину была очень низкой. Отсутствие интереса к судьбе прусской монархии наиболее чётко проявилось во время Семилетней войны: когда Восточная Пруссия была оккупирована русскими войсками, местная аристократия не только не оказала какого-либо действенного сопротивления оккупации, но и принесла присягу верности российским властям [18, p. 168]. Прусские короли отвечали на это холодностью и неприязнью, в своих сословно-представительных правах восточнопруссские юнкеры были ограничены в гораздо большей степени, чем дворянство других областей.

Особым было взаимоотношение между короной и сословиями Силезии. Фридрих II, захвативший провинцию в 1741 г., пытался сочетать палку с пряником: все местные ландтаги были полностью отменены, дворянство потеряло право вотивирования налогов и контроль за их расходом, все правительственные органы, основанные на сословном представительстве, были отменены, в то же самое время привилегии и права аристократии в социальной сфере были подтверждены в полном объёме. Король стремился привлечь силезскую знать на свою сторону путём создания почётных придворных должностей, немалое количество

средств было потрачено для оказания помощи дворянским семьям, пострадавшим в результате Семилетней войны, Силезия стала также первой прусской провинцией, где было организовано кредитное учреждение для помощи разоряющемуся дворянству. Тем не менее, силезские аристократы продолжали настороженно относиться к Берлину и высказывать оппозиционные настроения [29, S. 354 – 355].

В условиях подобного регионализма проводить единую политику в отношении дворянства прусским королям было сложно. К тому же, в Бранденбурге-Пруссии не существовало важного инструмента абсолютистской политики – королевского двора как средства усмирения и «приручения» дворянства, его «привязывания» к правящей династии через придворные должности. Двор в «абсолютистском», барочном стиле существовал лишь при первом короле Пруссии Фридрихе I, его сын Фридрих Вильгельм сразу же после восшествия на престол значительно сократил расходы на двор, сделал придворную службу совершенно непривлекательной для аристократии [25, S. 62]. При Фридрихе II существовало два двора – один в Берлин, при королеве Елизавете Кристине, второй – в Потсдаме, при правящем короле, в результате чего сложилась ситуация «двойного двора», что вносило некоторую неразбериху в умы дворянства [31, S. 115 – 116]. В Пруссии был создан особый инструмент «приручения» знати – специфическая военная система, в которой дворянству было зарезервировано лидирующее положение.

Достаточно много было написано о роли дворянства в прусской армии, однако лучше всего об этом рассказал Отто Бюш в своей работе «Военная система и общественная жизнь в «старой» Пруссии, 1713 – 1807. Начало общественной милитаризации прусско-немецкого общества», вышедшей ещё в 1962 г. Отто Бюш указывал на то обстоятельство, что дворянство являлось главным поставщиком офицерских кадров для прусской армии, доступ к офицерской должности для лиц небогатого происхождения был практически полностью закрыт. Это была одна из основных социальных привилегий прусской аристократии – повелевать другими. Взамен на это привилегированное положение в обществе и армии дворянство отказалось от своих политических прав в пользу короны. Сквозь призму военной системы Отто Бюш также объяснял политику Фридриха II, нацеленную на всестороннюю поддержку и защиту дворянства, ибо в случае упадка прусского юнкерства армия могла остаться без офицерского корпуса. В итоге офицерский корпус Пруссии стал подлинной верхушкой прусского общества [11, S. 91 – 92]. Представление о некоем союзе между короной и дворянством нашло отражение в том числе и в отечественной литературе [1, с. 187].

Однако на самом деле всё было не так просто. В действительности, пожалуй, дворянство было единственным общественным слоем, который

наиболее решительно выступал против военных реформ, проводимых прусскими королями. Во-первых, не стоит забывать, что дворянство было обязано служить, это была наиглавнейшая обязанность прусского юнкерства, в отличие от российского дворянства, которое согласно манифесту Петра III 1762 г. освобождалось от обязательной службы. Ничего подобного в Пруссии не было. Служить же желали далеко не все дворяне. Наиболее охотно на военную службу поступала знать наиболее бедных провинций государства – Померании, Уккермарки, Альтмарки и т.д., при этом служить стремилась мелкая, бедная аристократия, так как в армии можно было хорошо пристроить сыновей и сделать карьеру. Высшие же слои дворянства служить не желали и стремились всячески избегать военной службы, особенно в этом отличались дворяне Восточной Пруссии, которые упорно отказывались отправлять своих детей в кадетские школы. Известен тот факт, что Фридриху Вильгельму I приходилось лично определять отпрысков знатных восточнопрусских фамилий в те или иные полковые части и чуть ли не насильно заставлять молодых дворян служить. Фридрих II всячески осуждал нежелание восточнопрусской аристократии служить в армии, в 1781 г. король отказал прошению дворянства Восточной Пруссии учредить специальное кредитное учреждение для поддержки разоряющихся дворян под предлогом того, что «они не служат и вообще не хотят служить, поэтому король тоже не будет для них ничего делать» [25, S. 70 – 71]. Особого рвения к военной службе не проявляло дворянство западных провинций, а силезская аристократия из-за её неблагонадёжности и проавстрийских настроений вообще не допускалась к военной службе [29, S. 354]. Таким образом, отношение прусской знати к военной службе было не таким однозначным, как может показаться.

Во-вторых, особое нареkanie дворянства вызывала кантональная система, введённая Фридрихом Вильгельмом I в 1733 году. Эта реформа заменяла традиционный набор в армию путём рекрутирования зачислением военнообязанного в качестве рядового в тот или иной полк, приписанный к определённому военному округу – кантону. Кантональная система имела немало нюансов и была достаточно сложной, однако обеспечивала бесперебойный поток рядовых в прусскую армию. Казалось бы, кантональный регламент должен был полностью устраивать прусскую аристократию, ибо ей в этой системе предусматривалось привилегированное положение – офицер-дворянин по праву рождения повелевал и распоряжался жизнью солдата-крестьянина. Однако дворянство встретило реформу в штыки, что особенно видно на материале так называемых «Жалоб» (Gravamina) и «Пожеланий» (Desideria), которые были поданы представителями дворянства отдельных провинций Фридриху II во время принесения присяги молодому королю летом 1740 г. Абсолютно все «Жалобы» и «Пожелания»

содержали требование отменить кантональный регламент или значительно ограничить сферу его применения [9, S. 46 – 47, 69, 92, 119, 134, 146 – 147]. Причины недовольства дворянства были различными, одной из основных был страх землевладельцев потерять квалифицированные рабочие руки, которые могли с успехом использоваться на работах в дворянских имениях. Для дворянства сословные интересы были важнее государственных. Многие дворяне даже отваживались оказывать пассивное сопротивление кантональным офицерам, укрывая призываемых на военную службу крестьян [11, S. 90].

В целом можно утверждать, что военная система Бранденбурга-Пруссии отнюдь не во всех своих аспектах являлась выражением компромисса между знатью и короной, по многим вопросам прусским королём приходилось сталкиваться с серьёзным сопротивлением. Однако имела ещё одна область, где возможности прусского абсолютизма были крайне ограничены – это сфера крепостного помещичьего хозяйства, сложившегося к востоку от Эльбы. Важнейшей привилегией земельной аристократии являлось владение крепостными крестьянами, по отношению к которым юнкер выступал как единственно возможный господин. Помещик обладал в первую очередь экономической и судебной властью над крепостным крестьянином, иного правителя для крестьянина, помимо его помещика, не существовало. Это объясняет особое недовольство дворянства кантональной системой, которая фактически лишала юнкеров своих личных подданных и переподчиняла их государству. В условиях кантональной системы юнкерство ещё более пристально следило за соблюдением своих прав в отношении зависимого крестьянства.

Прусские монархи, конечно же, пытались вмешиваться во взаимоотношения между крестьянином и помещиком, это было необходимо для того, чтобы не допустить излишней эксплуатации крестьян и их неизбежного разорения, иначе государство могло потерять солдат. Некоторые меры, не затрагивающие в целом интересы помещиков, были успешно проведены, так, в 1749 г. Фридрих II запретил землевладельцам сгонять крестьян с земли или присваивать себе их имущество [11, S. 57]. Однако по многим вопросам короне и аристократии договориться не удалось. Так, королевская власть не смогла добиться сокращения барщины на господских землях, в некоторых регионах (Уккермарк) она достигала до 6 дней в неделю, а кое-где (Померания) она вообще была неограниченной [12, p. 57 – 58].

Ещё большее сопротивление вызывали планы прусских королей отменить крепостное право вообще. Этого удалось добиться только на домениальных землях, на помещичьих – лишь в ходе реформ Штайна – Гарденберга в 1807 – 1810 гг. Фридрих II, осуждавший крепостное право как социальное и моральное зло, сам ничего не смог сделать в плане его отмены. В 1763 г., сразу же после окончания Семилетней войны, Фридрих попытался

упразднить крепостное право в Померании, однако столкнулся с неожиданным сопротивлением сословий, которые собрались в декабре 1763 г. в Штеттине для обсуждения королевского указа. Под предлогом возможного обезлюдения провинции землевладельцы фактически отвергли королевский проект, и Фридрих ничего не смог с этим поделать. Положение померанских крестьян продолжало оставаться очень тяжёлым, им было запрещено менять место жительства, барщина оставалась нерегламентированной [24, S. 171 – 172]. До 1807 г. королевская власть более к этому вопросу не обращалась.

Если социальные привилегии дворянства Пруссии оставались неизменными, то в политическом отношении, безусловно, аристократия потерпела поражение и была вынуждена уступить значительную часть своих прав короне. К началу XVIII в. практически полностью перестали созываться ландтаги, сословное представительство стало сходиться на нет. Этот процесс, хорошо описанный в соответствующей литературе, безусловно, имел место, однако в сфере сословного представительства всё было не так просто. Во-первых, в некоторых областях королевства ландтаги продолжали созываться, в частности, в западных провинциях и в Восточной Фрисландии [29, S. 409 – 411], таким образом, рейнским сословиям удалось во многом сохранить своё представительство. В центральных и восточных областях, безусловно, ни о каких ландтагах речи уже не шло. Необходимо, однако, отметить, что роль ландтагов как сословно-представительных органов отнюдь не стоит преувеличивать. Ландтаг, безусловно, являлся главным органом сословного представительства, однако даже в XV – XVII вв., когда сословия обладали политической силой, ландтаги не созывались слишком часто, даже не существовало какой-либо периодичности их созыва, так как это было достаточно дорогостоящее мероприятие, требующее значительных расходов как со стороны самих сословий, так и правителя [22, S. 329]. Более приемлемой и менее затратной была форма сословных комитетов и постоянных комиссий, состоящих из избираемых сословиями депутатов. Подобные формы сословного представительства отнюдь не исчезли к XVIII в. и продолжали существовать и далее.

Действительно, после прекращения созыва ландтагов в Бранденбурге-Пруссии сословная жизнь не прекратилась совсем, как может показаться на первый взгляд, но переместилась в иные органы – комитеты и комиссии, которые, к примеру, продолжали функционировать в Курмарке, Магдебурге и Хальберштадте на протяжении всего XVIII века. Дворянские комитеты в основном решали вопросы финансового управления и погашения долгов, а также контролировали кредитное дело в своей провинции. Наиболее сильным в этом отношении являлся дворянский комитет Курмарки, который именовался

«Kurmärkisches Kreditwerk», служивший чем-то вроде земельного банка. Комитет Курмарки обладал также правом управления налогами, хотя право их вотиования утратил. В Магдебурге существовало два сословных комитета – Малый, который занимался управлением финансов и долгов провинции, и Большой, в сферу компетенции которого входило кредитное дело, а также контроль над деятельностью Малого комитета. Правда, в 1716 г. Фридрих Вильгельм I упразднил Большой комитет, лишив тем самым сословия контроля над кредитным делом, однако в 1787 г., при Фридрихе Вильгельме II, Большой комитет был восстановлен, в то время как Малый комитет продолжал функционировать всё это время [29, S. 187 – 189].

Сословные комитеты, состоявшие исключительно из дворян, также привлекались правительством при обсуждении различных юридических вопросов. Примечателен тот факт, что в «Жалобах» и «Пожеланиях», поданных Фридриху II в 1740 г., дворяне многих провинций (Магдебург, Минден) просили учитывать их мнение при проведении любых реформ в области юстиции, а сословия Курмарки чётко требовали созыва особого дворянского комитета, который должен был иметь право обсуждать любые инициативы государства в юридической сфере [9, S. 70, 87, 143]. В отличие от многих других пунктов «Жалоб» и «Пожеланий», эти требования сословий правительством выполнялись, так, при проведении судебной реформы 1747 – 1748 гг. Великий канцлер Самуэль фон Кокцеи активно сотрудничал с сословиями Курмарки и Восточной Фрисландии, учитывая их пожелания. В 1786 г. Фридрих II издал специальный указ, требовавший от Великого канцлера Иоганна Генриха фон Кармера учитывать мнение провинциальных сословий при составлении Всеобщего земского права для прусских провинций – первого кодекса гражданского и уголовного права в Европе [15, S. 352 – 353]. Стоит также отметить, что высшие посты в провинциальных камеральных судах были зарезервированы для представителей дворянства, которые тем самым имели значительное влияние на осуществление правосудия.

Наряду с комитетами и комиссиями существовали и иные органы сословного представительства на провинциальном уровне – окружные заседания или крайстаги (Kreistag). Эти органы сословного представительства на местах существовали наряду с государственными органами власти – Военными и доменальными камерами. В заседаниях крайстагов имели право принимать участие только представители местной, локальной аристократии, владеющие поместьями в данном конкретном округе, при этом представители непривилегированных сословий, также владевшие помещичьими имениями, к заседаниям крайстагов не допускались, тем самым участие в деятельности представительных органов на локальном уровне являлось привилегией исключительно дворянства. Первой функцией крайстага являлось избрание из среды местной земельной аристократии особого

чиновника – ландрата, который, с одной стороны, являлся государственным служащим, с другой – представителем и кандидатурой местного дворянства, из среды которой он избирался. Ни один прусский король не отваживался на то, чтобы назначать ландрата из представителей чужого округа – подобные действия могли значительно ухудшить отношения между дворянством и короной.

Ландрат являлся посреднической фигурой между сословиями и органами государственной власти. В его обязанности входил в первую очередь контроль над сбором основного налога – контрибуции, также ландрат занимался вопросами снабжения и расквартирования армии, он имел также и полицейские функции [33, S. 38]. В помощь ландрату сословия избирали двух представителей, которые должны были, в том числе, следить за тем, чтобы ландрат во всём следовал интересам дворянства [17, S. 167]. Таким образом, сфера компетенции ландрата была достаточно обширной, и он, наряду с органами государственной власти, осуществлял управление округом от имени местной земельной аристократии. Фактически можно говорить о децентрализации власти на местах в пользу дворянства.

Помимо права избрания ландрата, крайстаги решали и иные многочисленные вопросы округа, в частности, такие, как управление налогами, кредитное дело, комплектование армии, вопросы полиции и местного образования, основание новых поселений. В центральных провинциях существовали также окружные кассы, которые выступали в качестве специальных кредитных учреждений и находились под контролем крайстагов [15, S. 311]. Таким образом, крайстаг являлся важнейшим органом сословного представительства на местах.

Отношение прусских королей к представительным органам сословий было различным. Фридрих Вильгельм I стремился ограничить сферу их компетенции, в наибольшей степени подчинить их королевской власти. Так, он лишил крайстаги права избрания ландратов, они должны были назначаться королём, однако всегда из среды представителей местной аристократии [29, S. 402]. Как упоминалось выше, он также лишил сословия Магдебурга права на самостоятельное управление кредитными учреждениями, а также запретил создание окружных касс в Восточной Пруссии, ибо не доверял местному дворянству. Несмотря на подобные действия в духе абсолютизма, а также тот факт, что Фридрих Вильгельм I зачастую изображается в литературе как самодур и солдафон, именно этот король в наибольшей степени уважал права знати и с большой неохотой вмешивался в локальное сословное управление [19, S. 64]. Во многом Фридрих Вильгельм I мыслил менее «абсолютно», чем его окружение, так, в 1716 г. король подумывал над тем, чтобы создать ландтаг в Восточной Пруссии по случаю введения специального

«земельного налога», которым облагалось восточнопрусское дворянство, и лишь приближённые Фридриха Вильгельма отговорили его от этого шага [15, S. 312]. Идеи сословного представительства были отнюдь не чужды этому королю. Как бы то ни было, все меры Фридриха Вильгельма I по ограничению власти сословий не привели к истреблению идеи сословного представительства. «Жалобы» и «Пожеланий» 1740 г. ярко свидетельствуют о том, что сословия Бранденбурга-Пруссии не забыли о своих сословных правах, в этих документах чётко звучит требование восстановить ландтаги и расширить права дворянства на локальном уровне. Сословия Восточной Пруссии требовали от Фридриха II созыва ландтага каждые три года для обсуждения важнейших вопросов провинции, сословия Курмарки просили восстановить право избрания ландрата, дворянство Магдебурга настаивало на созыве ландтага и воссоздании Большого комитета, а рейнские сословия категорично указывали на своё право вотировать налоги [9, S. 56, 72, 84, 143]. Таким образом, Фридриху Вильгельму I не удалось ослабить стремление сословий к восстановлению своего представительства, да и вряд ли он к этому стремился.

Сословная политика Фридриха II была ещё менее «абсолютистской», чем политика его отца. Фридрих был готов на компромисс с аристократией, поэтому выполнил часть требований сословий. Конечно, никто не собирался созывать ландтаги, однако деятельность многих комитетов и комиссий была восстановлена, сословия вновь получили право выбирать ландрата, хоть и в ограниченной форме – на выбор королю предлагалось три кандидата, один из которых и утверждался монархом. Деятельность местных представительных органов всячески поддерживалась и поощрялась Фридрихом, который стремился к децентрализации власти на местах и передачи части функций государственных органов власти органом сословного представительства. Тем самым Фридрих не только освобождал государство от некоторых наиболее обременительных обязанностей, но и создавал своеобразную систему взаимоконтроля на местах [18, p. 59].

В своём дружелюбии по отношению к дворянству Фридрих пошёл ещё дальше своего отца. Он не только финансово поддерживал юнкерство после разорений Семилетней войны, но даже решился на создание специальных органов – земских кредитных институтов (Landschaftliches Kreditinstitut, Landschaft) или ландшафтов. Отныне каждый знатный землевладелец мог получить кредит под залог своего имени, величина кредита могла составлять до половины стоимости поместья. На руки землевладелец получал закладной лист (Pfandbrief), которым он мог воспользоваться по своему усмотрению, к примеру, продать или заложить. Полученный кредит помещик мог использовать для погашения долгов или для вложения в своё поместье [11, S. 107]. Первый земский кредитный институт был учреждён в

Силезии в 1769 – 1770 гг., тем самым Фридрих II стремился облегчить положение силезского дворянства, особенно сильно пострадавшего в годы Семилетней войны. При жизни Фридриха было создано ещё два кредитных института – в Кур- и Ноймарке (1777) и Померании (1781), его племянник Фридрих Вильгельм II учредил новые ландшафты в Западной (1787) и, наконец, Восточной Пруссии (1788), которая была последней провинцией, получившей своё особое кредитное учреждение – значимый показатель отношения прусских монархов к своей коронной области.

Не вдаваясь в экономические детали, можно утверждать, что земские кредитные институты имели в первую очередь важное политическое значение. Хотя ландшафты находились под покровительством государства, они пользовались правом самоуправления. В целом ландшафты способствовали оживлению сословной активности дворянства, что особенно хорошо видно на примере Силезии, где в 1770 г. состоялись выборы в Силезский генеральный ландтаг, депутаты которого, избранные местными дворянами на крайстагах, должны были определить формы и принципы работы Земского кредитного института [29, S. 355]. Подобные генеральные ландтаги созывались и в других провинциях, где учреждались Земские кредитные институты, тем самым они по сути стали центрами сословной жизни. Именно на основе генеральных ландтагов в 1820-е гг. стали появляться провинциальные ландтаги, которые являлись уже полноценными органами сословного представительства. Ландшафты, таким образом, способствовали возрождению политического влияния аристократии, их значение выходило далеко за пределы исключительно кредитной сферы [12, p. 41].

Как можно в итоге оценить политику прусских королей по отношению к дворянству? Безусловно, прусские монархи стремились распространить свою власть на все сферы жизни прусского общества, и для этого было необходимо максимально ослабить дворянство как главное сословие в государстве, лишив его политических прав. В максимальной степени подобная тенденция наблюдалась в годы правления Фридриха Вильгельма I, однако даже «король-солдафон» не стремился полностью уничтожить органы сословного представительства, он даже не смог в какой-либо степени пошатнуть сословное самосознание прусской аристократии. Во второй половине XVIII в., в годы правления Фридриха II, мы можем наблюдать определённое оживление сословной жизни, причём «король-философ» допускал создание не только Земских кредитных учреждений, но и иных организаций, основанных на сословном принципе – пенсионных фондов, пожарных обществ, обществ презрения и помощи вдовам и т.д. Подобные организации также способствовали развитию дворянского самоуправления. На основании этих наблюдений многие немецкие исследователи говорят о «сословном Ренессансе» в Пруссии во второй

половине XVIII в. (Вольфганг Нойгебауэр) [15, S. 308], а её политический строй определяют как «сословно-монархический» (Гюнтер Биртч) [29, S. 404]. Всё вышесказанное позволяет несколько иначе взглянуть на политическое устройство Бранденбурга-Пруссии в XVIII в. и обратить внимание на «неабсолютистское» в прусском абсолютизме.

Список цитируемой литературы:

1. Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства в Германии в раннее новое время 1495 – 1806. В 2-х томах. Том 2, часть 1. М., 2009. – 336 с.
2. История Германии. В трёх томах. Том 1. С древнейших времён до создания Германской империи. Под общей редакцией Б. Бонвеца и Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. – 499, [5] с.
3. История Европы. В 8 томах. Том 4. Европа Нового времени. М., 1994. – 516 с.
4. Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. СПб., 2009. – 462 с.
5. Патрушев А. И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007. – 694 с.
6. Сказкин С.Д. Абсолютизм во Франции, Австрии и Пруссии в XVII-XVIII веках. М., 1941. – 21 с.
7. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. – 313 с.
8. Absolutismus, ein unersetzliches Forschungskonzept? Eine deutsch-französische Bilanz / L'absolutisme, un concept irremplaçable? Une mise au point franco-allemande. Herausgegeben von Lothar Schilling. München, 2008. 238 S.
9. Acta Borussica. Denkmäler der preußischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert. Die Behördenorganisation und die allgemeine Staatsverwaltung Preußens im 18. Jahrhundert. Sechster Band. Zweite Hälfte. Akten vom 31. Mai 1740 bis Ende 1745, bearbeitet von G. Schmoller und O. Hintze. Berlin, 1901. 1025 S.
10. Baumgart, Peter. Wie absolut war der preußische Absolutismus? In: Manfred Schlenke (Hg.) Preußen. Beiträge zu einer politischen Kultur. Hamburg, 1981. S. 89 – 105.
11. Büsch, O. Militärsystem und Sozialleben im alten Preußen 1713 – 1807. Die Anfänge der sozialen Militarisierung der preußisch-deutschen Gesellschaft. Berlin, 1962. 203 S.
12. Carsten, F. A History of the Prussian Junkers. London, 1989. 215 p.
13. Göse, Frank. „... die Race davon so guht ist, das sie auf alle art meritirt, conserviret zu werden“. Das Verhältnis Friedrichs des Großen zum brandenburgischen Adel. In: Friedrich der Große und die Mark Brandenburg. Herrschaftspraxis in einer Provinz. Hg. von Frank Göse. Berlin, 2012. S. 104 – 132.
14. Handbuch der deutschen Geschichte. In 4 Bände. Band 2. Stuttgart, 1970. 862 S.
15. Handbuch der preußischen Geschichte. Hrsg. von Wolfgang Neugebauer. In 3 Bände. Band 1. Das 17. und

18. Jahrhundert und große Themen der Geschichte Preußens. Berlin, 2009. 1271 S.

16. Henshall, N. The myth of absolutism: change and continuity in early modern European monarchy. London, 1992. 256 p.

17. Hubatsch, W. Frederick the Great of Prussia. Absolutism and Administration. London, 1975. 220 p.

18. Johnson, H. Frederick the Great and his Officials. London, 1975. 318 p.

19. Kathe, Heinz. Der „Soldatenkönig“. Friedrich Wilhelm I. 1688 – 1740. König in Preußen. Eine Biographie. Berlin, 1978. 170 S.

20. Klein, E. Der preußische Absolutismus. In: Preußen, Epochen und Probleme seiner Geschichte. Berlin, 1964. S. 77 – 91.

21. Kunisch, Johannes. Absolutismus. Göttingen, 1986. 268 S.

22. Lange, U. Der ständische Dualismus – Bemerkungen zu einem Problem der deutschen Verfassungsgeschichte. In: Blätter für deutsche Landesgeschichte. Neue Folge des Korrespondenzblattes. Herausgegeben von Hans Patze. 117. Jahrgang. Göttingen, 1981. S. 311 – 333.

23. Mittenzwei I. Brandenburg-Preußen 1648 bis 1789 : das Zeitalter des Absolutismus in Text und Bild. Berlin, 1987. 441 S.

24. Mittenzwei I. Friedrich II. Eine Biographie. Berlin, 1984. 253 S.

25. Neugebauer, W. Der Adel in Preußen im 18. Jahrhundert. In: Der europäische Adel im Ancien Régime. Herausgegeben von Ronald G. Asch. Köln, 2001. S. 49 – 76.

26. Oestreich, G. Strukturprobleme des europäischen Absolutismus. In: Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 55. Stuttgart, 1969. S. 329 – 347.

27. Schiller, René. Vom Rittergut zum Großgrundbesitz. Ökonomische und soziale Transformationsprozesse der ländlichen Eliten in Brandenburg im 19. Jahrhundert. Berlin, 2003. 587 S.

28. Schwenke, Elsbeth. Friedrich der Große und der Adel. Berlin, 1911. 70 S.

29. Ständetum und Staatsbildung in Brandenburg-Preußen. Herausgegeben von Peter Baumgarten. Berlin, 1983. 497 S.

30. Ständische Vertretungen in Europa im 17. und 18. Jahrhundert. Herausgegeben von Dietrich Gerhard. Göttingen, 1974. 437 S.

31. Trunz, H. Königin Elisabeth. Die Welfin an der Seite Friedrichs II. Erfurt, 2011. 136 S.

32. Vierhaus R. Deutschland im Zeitalter des Absolutismus. Göttingen, 1978. 225 S.

33. Vogler, Günther, Vetter, Klaus. Preußen. Von den Anfängen bis zur Reichsgründung. Berlin, 1977. 320 S.

ABSOLUTISM OR THE “RENAISSANCE OF THE ESTATES”? THE CROWN AND THE NOBILITY IN 18TH CENTURY PRUSSIA

Sterkhov D. V.

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia

enkiddu@mail.ru

The article touches upon the problem of specific features of the Prussian absolutism in the 18th century. The traditional conception of absolute power of the Prussian kings is being reconsidered as well as the generally accepted idea of a compromise between the crown and the Prussian nobility (Junkers). Considerable attention is paid to such factors as regionalism, specific self-consciousness and political autonomy of the Noble Estate which imposed certain restrictions on the absolute power of the Prussian monarchs. The “anti-absolutist” tendencies in the Prussian political culture of the 18th century are emphasized.

Key words: absolutism, absolute monarchy, social class and public policy, Frederick the Great, Junkers, estates assemblies.